

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.101.03,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»,
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 28.06.2018 г. № 16

О присуждении Ракачеву Вадиму Николаевичу, гражданину Российской
Федерации, ученой степени доктора исторических наук.

Диссертация «Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование» по специальности 07.00.02 – Отечественная история принята к защите 23.03.2018 г. (протокол № 6), диссертационным советом Д 212.101.03, созданным на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Минобрнауки РФ, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, приказы Минобрнауки РФ: об открытии № 163-90 от 19.02.2010 г. и о признании соответствия № 714/нк от 02.11.2012 г.

Соискатель Ракачев Вадим Николаевич, гражданин Российской Федерации, 1969 года рождения. В 1996 г. соискатель окончил Кубанский государственный университет по специальности «История». В 2008–2011 гг. соискатель обучался в докторантуре по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Национальный состав населения Кубани в XX веке: историко-демографический аспект» защитил в 2003 г. в диссертационном совете Д 212.101.03, созданном на базе Кубанского государственного университета. Работает доцентом кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» с сентября 2005 г. по настоящее время.

Диссертация выполнена на кафедре истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ.

Научный консультант – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Ратушняк Валерий Николаевич.

Официальные оппоненты:

Жиромская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения истории территории и населения России ФГБУН «Институт российской истории РАН» (г. Москва);

Журавлева Вера Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Социально-правовые и гуманитарные науки» филиала ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» в г. Златоусте;

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований ФГБУН «Институт истории Сибирского отделения РАН» (г. Новосибирск)

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация – ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН» (г. Сыктывкар) в своем положительном заключении, подготовленном заведующей сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера, кандидатом исторических наук Игнатовой Надеждой Максимовной и подписанном директором ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН» (г. Сыктывкар) доктором исторических наук Жеребцовым Игорем Любомировичем, указала, что диссертация Ракачева В.Н. является завершённой самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой решена актуальная научно-практическая проблема, имеющая существенное значение для исторической науки. Диссертация отвечает основным требованиям и критериям, предъявляемым ВАК при Минобрнауки России к диссертациям на соискание учёной степени доктора наук (пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г. (в редакции от 28.08.2017 г.), а её автор заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Соискатель имеет 270 опубликованных работ, в том числе по теме диссертации – 97 работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях – 21. Результаты исследования прошли апробацию в ходе участия соискателя в работе 45 научно-практических конференций, в том числе – 11 международных, из них 4 зарубежных, на которых изложены основные положения диссертации. Общий объем публикаций, в которых отражены основные положения диссертации, – 110,2 п.л. 72% работ выполнено единолично, 28% – в соавторстве.

Наиболее значительные работы:

1. Ракачев В.Н., Матвеев О.В., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Монография. Краснодар: Кубан. гос. университет, 2003. 200 с. (5,0/12,5 п.л.).

2. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Монография. Краснодар: Кубан. гос. университет, 2017. 350 с. (22,0 п.л.).

3. Ракачев В.Н. Народонаселение Северо-Западного Кавказа по данным Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.: проблема достовер-

ности данных // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. № 6. С. 244–247 (0,6 п.л.).

4. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ратушняк В.Н. Возвратные миграции на Северо-Западном Кавказе в 1943–1947 гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. № 8. С. 265–268 (0,3/0,6 п.л.).

5. Ракачев В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг. // Власть. М., 2012. № 7. С. 131–134 (0,8 п.л.).

6. Ракачев В.Н. Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и Ставрополье // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 2 (12). С. 60–64 (0,8 п.л.).

7. Ракачев В.Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. и их влияние на численность и структуру народонаселения Кубани и Ставрополья // Общество и право. Краснодар, 2012. № 3 (40). С. 55–61 (0,8 п.л.).

8. Ракачев В.Н. Особенности брачно-семейной структуры населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 4. С. 57–68 (0,8 п.л.).

9. Ракачев В.Н. Динамика грамотности и уровня образования населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. М., 2012. Вып. № 4 (39). С. 32–40 (0,6 п.л.).

10. Ракачев В.Н., Халафян А.А. Оценка численности населения Кубани в 1930–1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 5 (15). С. 150–155 (0,45/0,9 п.л.).

11. Ракачев В.Н. Изменение национальной структуры населения Кубани под влиянием социально-политических процессов 1930-х годов // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 2. С. 184–186 (0,5 п.л.).

12. Ракачев В.Н. Миграционные процессы 1950-х гг. и их влияние на демографическую структуру народонаселения Кубани // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 4. С. 186–191 (0,8 п.л.).

13. Ракачев В.Н. Демографические последствия политики коллективизации на Северном Кавказе и их фальсификация (по материалам всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг.) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 12. С. 327–333 (0,8 п.л.).

14. Ракачев В.Н. Влияние социально-политических процессов на трансформацию половозрастной структуры населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 11. С. 290–295 (0,9 п.л.).

15. Ракачев В.Н., Халафян А.А. Национальный состав населения Кубани: история формирования и развития, демографический прогноз // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 5 (21). С. 206–210 (0,4/0,7 п.л.).

16. Ракачев В.Н. Урбанизация и особенности расселения на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 2 (24). С. 84–88 (0,8 п.л.).

17. Ракачев В.Н., Богорсукова Н.Я., Халафян А.А. Применение кластерного анализа при изучении динамики численности населения районов Краснодарского края // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2014. № 2 (41). С. 142–146 (0,2/0,4 п.л.).

18. Ракачев В.Н. Динамика этнической структуры и этноязыковые процессы на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2014. № 3. С. 185–189 (0,7 п.л.).

19. Ракачев В.Н. Особенности отраслевой и профессиональной структуры населения Кубани и Ставрополья по материалам Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5 (43). Ч. 3. С. 151–155 (0,8 п.л.).

20. Ракачев В.Н. Социальная структура и занятия населения Кубани и Ставрополья в 1939–1959 гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 3. С. 190–193 (0,6 п.л.).

21. Ракачев В.Н. Принудительные миграции на Кубани и Ставрополье в 1940-е гг.: формы, масштабы, последствия // Экономические и гуманитарные исследования регионов. Ростов н/Д, 2014. № 6. С. 9–13 (0,7 п.л.).

22. Ракачев В.Н. Взаимоотношение местного и пришлого населения на Северо-Западном Кавказе в период реализации программ компенсационной миграции 1930-х гг. // Власть. М., 2015. № 1. С. 175–179 (0,7 п.л.).

23. Ракачев В.Н. Переселенческая политика в СССР в первое послевоенное десятилетие и ее реализация на Кубани и Ставрополье // Власть. М., 2016. № 11. С. 181–186 (0,7 п.л.).

На диссертацию и автореферат поступили 11 положительных отзывов от:

1) **Лоткина Ильи Викторовича**, доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры «Связи с общественностью, сервис и туризм» Омского государственного университета путей сообщения (г. Омск);

2) **Матвеева Владимира Александровича**, доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры отечественной истории XIX – XX вв. Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

3) **Кислицына Сергея Алексеевича**, доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону);

4) **Бондаренко Константина Михайловича**, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (г. Могилев, Республика Беларусь);

5) **Ткаченко Дмитрий Сергеевича**, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);

6) **Макарова Юлия Николаевича**, доктора исторических наук, доцента, заведующего кафедрой социально-гуманитарных и философских дисциплин Сочинского государственного университета (г. Сочи);

7) **Скорика Александра Павловича**, доктора исторических наук, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой «Теория государства и права и отечественная история» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. Платова (г. Новочеркасск);

8) **Мальшевой Елены Михайловны**, доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп);

9) **Никулина Валерия Николаевича**, доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград);

10) **Сивцевой Саиссыланы Иннокентьевны**, доктора исторических наук, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова» (г. Якутск);

11) **Большаковой Галины Ивановны**, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры социального и естественнонаучного образования Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Выборг).

В отзывах сделаны следующие замечания:

И.В. Лоткин обратил внимание на то, что, характеризуя в автореферате урбанизацию в регионе (с. 26), автор говорит об её особенностях, но выделяет только то, что регион остаётся сельскохозяйственным. Явно этих особенностей в регионе было больше. Это – географическое положение, климат, численность промышленных предприятий и другие факторы.

Матвеев В.А. отмечает, что не учитываются различия в методиках проведения переписей населения в Российской империи и СССР. При сборе сведений о национальной принадлежности в 1897 и 1926 гг. она определялась по разговорному языку, а в 1939 и 1959 гг. – по самосознанию. Повторяющиеся неоднократно в автореферате утверждения о резком сокращении численности украинцев в населении Юга России (с. 13) так или иначе подтверждают версию о «геноциде», якобы проводившемся в 30-е гг. XX в. в сочетании с политическими репрессиями. Различия в подходах сбора сведений отражали вариации исторически сложившейся кодификации, прослеживавшейся по диалектам и самосознанию. В систематизациях не содержится упоминания о переписях, проводившихся в СССР в 1932–1933 гг. Полученные в их ходе данные не опубликованы, но имеются в центральных архивах. Они позволяют видеть демографические изменения до 1939 г., что

позволило бы автору провести и другие статистические наблюдения по региону.

Кислицын С.А. считает, что: 1) в автореферате автор неточно характеризует административно-территориальное деление. До 1934 г. функционировал Северо-Кавказский край, затем существовал Азово-Черноморский край, который в сентябре 1937 г. разделен на Ростовскую область и Краснодарский край. В составе последнего была Адыгейская автономная область. Автор избегает этих наименований, а использует термин «Кубань», что позволяет ему абстрагироваться от некоторых проблем. Автор не объяснил, почему он не включил в объект исследования Ростовскую область, что было полезно для сравнительного анализа двух соседних, очень близких частей одного и того же бывшего края; 2) обращает на себя внимание стремление автора не анализировать решения правящей партии в демографической сфере, которые исполнялись на практике малосамостоятельными советскими органами. В автореферате деятельность Коммунистической партии не характеризуется. Это вопрос не о бюрократических дефинициях, а о ключевой теме диссертации – модернизации страны и её инициаторе; 3) в идеологической практике того времени использовался не современный термин «модернизация», а системное концептуальное понятие «строительство социализма». Автор допустил ошибку, когда счел на с. 21 (второй абзац сверху) что строительство социализма (то есть модернизация) осуществлялось «в качестве вынужденной защитной меры и носило принудительной характер». Это верно только частично. Реально был более сложный комплекс факторов. Наряду с подсистемой страха функционировала подсистема коммунистического энтузиазма, что позволяло обеспечить существование советской политической системы длительное время, победить в Великой Отечественной войне; 4) в автореферате отсутствуют количественные характеристики населения, пострадавшего от голода, депортаций и репрессий, а также конкретный масштаб компенсации убыли населения красноармейским населением. Этот вопрос чрезвычайно важен именно для диссертации по историко-демографической теме. Вероятно, автор в диссертации провел все необходимые подсчеты и нашел нужные документы, которые обязательно нужно озвучить на защите; 5) автор пишет, что урбанизация осуществлялась в основном за счет миграции сельского населения (с. 26). В Ростовской области рост городов происходил, в том числе, за счет увеличения населения крупных станиц и объявления их городами. Из автореферата не вполне ясно, в какой мере этот процесс прослеживался в Краснодарском и Ставропольском краях; 6) автор недостаточно внимания уделил истории просвещения национальных меньшинств, а также развернутой режимом борьбе с национал-уклонизмом, ликвидации в период сталинской диктатуры национальных округов и в целом осуществлению курса на деэтнизацию советского общества; 7) автор в автореферате обошел казачью специфику населения Краснодарского края,

что представляется неоправданным и странным, учитывая, что научный консультант автора – профессор В.Н. Ратушняк является крупнейшим исследователем истории кубанского казачества.

Бондаренко К.М. указывает, что хотелось в автореферате прочитать о тенденциях, которые обозначились в зарубежной литературе, а не удовлетворяться общими замечаниями о том, что «труды зарубежных авторов... представляют своего рода альтернативный взгляд на советскую историю». Следовало проанализировать, хотя бы кратко, объективность «альтернативного взгляда».

Ткаченко Д.С. сделал три замечания. 1) из автореферата непонятны мотивы выбора хронологических рамок исследования – ведь складывание авторитарного режима в СССР началось задолго до 1930 г., а автор в исследовании опирается на перепись населения 1926 г. как на один из основных источников. В автореферате не объяснены мотивы объединения в один объект исследования Кубани и Ставрополья, что является необходимым в силу разного этносоциального состава казачьей Кубани и крестьянского Ставрополья, что не могло не влиять на течение демографических процессов. С этой точки зрения гораздо логичнее в регион исследования либо выделить чисто казачьи области Юга России – Кубань, Дон и Терек, либо, взяв Ставрополье с присоединенной к нему КЧР, расширить регион до границ всего Северного Кавказа, чтобы сравнительный анализ этнически разнородных территорий звучал более явно. 2) Из автореферата не совсем ясно, не являются ли два параграфа второй главы – «Трансформация рождаемости: факторы, динамика и последствия» и «Динамика показателей смертности и потери населения» развернутой версией второго параграфа первой главы – «Динамика численности населения Кубани и Ставрополья»? Вероятно, ограниченный объем автореферата не позволил соискателю снять этот вопрос. 3) в тексте хотелось бы видеть влияние на течение национальных процессов в регионе идеологических установок теоретика национальной политики в СССР – И.В. Сталина, сформулировавшего четкий набор постулатов для их реализации на местах.

Макаров Ю.Н. пишет, что автору следовало уделить более пристальное внимание последствиям демографических процессов на Кубани и на Ставрополье, напрямую связанных с социально-экономическими преобразованиями в регионе и стране.

Скорик А.П. сформулировал три замечания: 1) В анализе историографических тенденций и проблем в некоторых случаях соискатель не обозначает работы и фамилии авторов 2010-х гг., в частности, это касается коллективизации, раскулачивания, голода на Кубани и Ставрополье, где ссылка заканчивается на 2009 г. (с. 9). 2) При обосновании территориальных рамок исследования и характеристике Ставропольского края (с. 13–14) автор не упоминает о вхождении в его состав в 1943–1958 гг. Приютненского и Степновского районов Республики Калмыкия со значительной долей русскоязычного населения, включая столицу г. Степной (Элисту). Именно в составе Ставро-

польского края с 12 января 1957 г. образуется Калмыцкая автономная область, преобразованная 19 июля 1958 г. в Калмыцкую АССР. Такая же ситуация сложилась в отношении Кизлярского автономного округа (1938–1944 гг.) со значительной долей русскоязычного населения, который автор обошёл вниманием. 3) В автореферате не упоминается казачья проблематика и не объясняется, что произошло с казачеством в изучаемый период в социально-демографическом отношении, хотя в современной литературе активно дискутируется вопрос о геноциде казачества применительно к первой половине 1930-х гг. (например, монография Н.Н. Лысенко).

Малышева Е.М. дала два замечания: 1) не все главы диссертации структурированы на основе проблемного принципа. Их строение не однородно и в ряде случаев автор придерживается этого критерия, а в других (например, в 4-й главе) опирается на хронологический принцип. Уместнее было придерживаться единой системы критериев для выделения элементов диссертации. 2) Следовало уделить более пристальное внимание процессу и стимулированию методов стимулирования и принуждения к переезду на постдепортационные территории.

Никулин В.Н. полагает, что автореферат излишне перегружен подстрочными сносками, которые заняли существенный объем текста (с. 5–12, 14–19). Может быть, стоило ограничиться только фамилиями исследователей, весь список литературы невозможно втиснуть в подстрочник. За счет такого сокращения можно было значительно расширить содержательную часть автореферата.

Сивцева С.И. желает уточнить, на каком основании автор приходит к выводу об определяющей роли государства в демографии региона, если наблюдались также естественные демографические процессы, связанные с ходом истории (о чем автор пишет на с. 21 об универсальной стадии общего исторического процесса). И в этой связи вопрос – можно ли определить в доле соотношении или количественно воздействие государства на демографию региона? На с. 25 автор пишет, что динамика численности населения в изучаемом регионе в 1930–1950-е гг. была положительной, но темпы прироста были невысокими. За счет каких источников это произошло и в какие годы/периоды, не отмечается. Вероятно, это стало возможным за счет положительного естественного прироста в национальных районах? Или за счет миграций, притока населения в регион? Можно ли дать оценку демографического развития региона в 1930–1950-е гг. в контексте его дальнейшего развития в течение XX века и в отношении демографического развития соседних регионов, Российской Федерации? Тем более, что автор пишет: «наряду с подлинно научными трудами в этой объектно-предметной области имеют место спекулятивные конструкции о характере демографического перехода в нашей стране, проводятся некорректные сопоставления с другими современными обществами и историческими эпохами» (с. 3). В.Н. Ракачев на с. 20 указывает в качестве научной новизны, что предложена авторская периодизация демографического развития Кубани

и Ставрополя в рассматриваемый период, основанная на взаимосвязи социально-политических и экономических событий в истории страны и соответствующих демографических изменений в регионе. На с. 21 автором выявляются четыре этапа (по годам), но они никак не обосновываются ни по социально-политическим и экономическим событиям в истории страны, ни по демографическим изменениям в регионе.

Большакова Г.И. высказала пять замечаний: 1) В характеристике первой второй и третьей глав и их параграфов хотелось бы находить не только констатацию фактов, но и общие статистические данные по рассматриваемым проблемам. Например, глава 1: автор дает информацию о проведении модернизационных преобразований в регионе, не показывая, как они повлияли (или не повлияли) на количественные и качественные показатели демографии населения, не подтверждая эти факты конкретными статистическими данными в процентном отношении; 2) В автореферате не дается общая численность населения Кубани и Ставрополя в рассматриваемый период, хотя автор пытается проанализировать численность населения Кубани и Ставрополя, указывая то на его сокращение, то на рост, но не указывает причины таких скачков. 3) В параграфе 3 первой главы желательно указать численность городов региона, сельского и городского населения. Рассматривая рост численности городского населения за счет миграций населения из сельской местности по необходимости и стихийно, следует показать статистику (возможно, В.Н. Ракачев это рассматривал в диссертации, но обобщенную и интересную статистику необходимо приводить и в автореферате); 4) Интересно узнать причины детской смертности в регионе в рассматриваемый период и как обстоит дело сегодня в сравнении; 5) В оценке в главе 4 плановой переселенческой политикой государства и ее реализации на Кубани и Ставрополье, если судить по автореферату, не хватает более конкретной и детальной характеристики состава переселенцев: их численности, в том числе по годам прибытия, распределения по полу и возрасту, местам и местности выхода/вселения, национальности, профессиональной квалификации. Возможно, следовало более подробно представить проблему «неорганизованных» переселенцев.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается тем, что доктора исторических наук, профессора В.Б. Жиромская, В.А. Журавлева и В.А. Исупов являются ведущими специалистами по истории народонаселения России и её регионов в XX в. **Ведущая организация** – ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН» (г. Сыктывкар) известна своими трудами по демографической истории советского общества, проблематике последствий раскулачивания и репрессий 1930-х гг.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

разработана и апробирована новая научная идея, обогащающая научную концепцию анализа исторических процессов, основанную на синтезе линейно-стадиального и цивилизационного подходов, положений мир-системной теории и теории зависимости;

предложены оригинальные суждения по заявленной тематике: выявлены особенности поселенческой структуры Кубани и Ставрополья, которая на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняла аграрную специфику, темпы и характер урбанизации в регионе; установлены закономерности и особенности изменений показателей рождаемости, смертности, брачности и разводимости на Кубани и Ставрополье, определен характер влияния экстремальных факторов на процессы воспроизводства в регионе; раскрыты особенности половозрастного, этнического, отраслевого, профессионального и образовательного состава населения Кубани и Ставрополья, определены ключевые факторы, обусловившие динамику структур населения в рассматриваемый период;

доказано наличие ранее неизвестных закономерностей: 1) инициатива модернизационных преобразований и их реализация исходила в СССР как на общесоюзном, так и на региональном уровнях в 1930–1950-х гг. исключительно от государства; 2) модернизация осуществлялась в короткие сроки, т.е. носила форсированный характер; 3) она была реализована на принципиально новом социально-экономическом базисе; 4) широко использовались репрессивные методы; 5) модернизация представляла собой процесс не столько самоорганизованный, сколько направляемый и регулируемый государственной властью;

введены измененные трактовки понятий «модернизация», «особенности российской модернизации», «демографический переход», «процессы урбанизации» и «миграционные процессы».

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений об особенностях российской модернизации 1930–1950-х гг. на общероссийском и региональном уровнях;

методологически обосновано, что демографическую историю Кубани и Ставрополья 1930–1950-х гг. следует подразделить на четыре этапа: 1) 1930–1941 г.; 2) 1941–1945 гг.; 3) 1945–1955 гг.; 4) 1955–1959 гг. На каждом этапе действовал свой комплекс факторов, определявших своеобразие демографических процессов. Но демографические изменения иногда выходят за рамки выделенных этапов в силу своей инерционности, наблюдается эффект «демографического эха»;

применительно к проблематике диссертации результативно (с получением обладающих научной новизной результатов) применены принципы объективности, историзма и системности; использованы положения теории модернизации в ракурсе истории социально-демографических явлений и процессов: концепции демографического, урбанизационного и миграционного переходов; применены специально-

научные методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический, системный, количественные методы исследования;

изложены доказательства того, что динамика численности населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг. была положительной, однако темпы прироста были невысокими. Темпы прироста населения в регионе были выше, чем в РСФСР, но ниже средних по СССР. Демографический переход предполагал на первом этапе существенный рост населения, но объективно этот прирост полностью нивелирован действием экстремальных факторов: голодом, политическими и этническими репрессиями и депортациями, военными событиями. Прирост населения обеспечивался в регионе в значительной степени за счет положительного сальдо миграции;

раскрыты существенные проявления концепций социокультурной динамики общества, модернизации, демографического, урбанизационного и миграционного переходов;

изучены взаимосвязи миграций и демографических процессов и структур населения Кубани и Ставрополя; определены сходства и различия в демографическом развитии Кубани и Ставрополя на протяжении рассматриваемого периода, определены факторы, которые обусловили эти особенности;

представлены эмпирические данные, характеризующие динамику численности, демографические процессы и структуры, миграционные потоки в населении Кубани и Ставрополя в 1930–1950-х гг., на основе анализа которых аргументированы теоретические выводы относительно особенностей демографического развития населения региона, позволяющие использовать их для создания теоретической модели развития населения на основе универсальных и специфических параметров исторического процесса.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

разработаны и внедрены в форме научных статей и докладов подходы, реализующие методики исследования в рамках исторической науки процессов развития населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-х гг., прошедшие апробацию на всероссийских и международных научно-практических конгрессах, конференциях и семинарах; полученные результаты представлены в 97 публикациях, в том числе 5 монографиях (из них 4 в соавторстве), 21 статье в изданиях, рекомендованных ВАК РФ;

определены перспективы практического использования материалов исследования в научно-исследовательской и педагогической деятельности, при чтении общих и специальных учебных курсов в общеобразовательной и высшей школе, при составлении статистических справочников, а также в учреждениях органов государственной власти при совершенствовании демографической, социальной и национальной политики в Краснодарском и Ставропольском краях;

создана модель эффективного применения историко-демографических знаний, обеспечившая на основе качественных и количественных методов

выявление особенностей развития населения регионов России во взаимосвязи общих и специфических условий на материалах Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.;

представлены рекомендации по применению результатов исследования органами власти всех уровней, институтами гражданского общества при разработке и реализации мер демографического и социального развития как страны в целом, так и исследуемых регионов; создан открытый многофункциональный интеллектуальный электронный ресурс «Демография Северо-Западного Кавказа» – <http://wiki.kubsu.ru/index.php> на электронной площадке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»;

Оценка достоверности результатов исследования выявила:

теория исследования построена на известных, проверяемых данных и фактах, на репрезентативном комплексе исторических источников, в том числе – впервые введенных в научный оборот новых неопубликованных материалах, выявленных в фондах 4 центральных и 6 региональных архивов;

идея базируется на системном междисциплинарном анализе процессов развития населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-х гг. в их исторической преемственности и обусловленности; применено сравнение и систематизация данных, выявленных автором в статистических материалах, центральных и региональных архивах Краснодарского края, Ставропольского края, Ростовской области;

использованы авторские данные, обладающие самостоятельностью в сравнении с данными, полученными ранее по рассматриваемой тематике, характеризующие численность населения Краснодарского края, Ставропольского края, Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей на 1939 г., путем перерасчета и освобождения от приписок; относительных показателей рождаемости, смертности, брачности и разводимости, половозрастной, национальной, образовательной и социально-профессиональной структур населения исследуемых регионов;

установлено, что авторские результаты по тематике развития населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-х гг. обладают новизной в сравнении с результатами, представленными в независимых источниках по данной тематике, создают новые знания в сфере исторической демографии;

использованы современные методики сбора и обработки исходной информации, которые позволили выявить документы и материалы, не введенные ранее в научный оборот, а методы демографической статистики и математики, применение современного программного обеспечения способствовали всестороннему анализу выявленных материалов в соответствии с задачами исследования.

Личный вклад соискателя состоит в: реализации поставленных научных задач, во включённом участии на всех этапах процесса исследования, в самостоятельном выявлении и интерпретации оригинальных источников (архивных документов, материалов периодической печати, документов официального и личного происхождения), во введении в научный оборот но-

вых неопубликованных документов по теме исследования, их систематизации, в личном участии в апробации полученных результатов на научно-практических конференциях, в подготовке научных публикаций по теме диссертации, в разработке оригинального теоретико-методологического подхода к исследованию исторической демографии, в рекомендациях по результатам исследования.

На заседании 28 июня 2018 года диссертационный совет принял решение присудить Ракачеву В.Н. ученую степень доктора исторических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 16 человек, из них 11 докторов наук по специальности рассматриваемой диссертации, участвовавших в заседании, из 21 человека, входящего в состав совета, проголосовали: за – 16, против – нет, недействительных бюллетеней – нет.

Председательствующий,
заместитель председателя
диссертационного совета

Касьянов Валерий Васильевич

Учёный секретарь
диссертационного совета

Баранов Андрей Владимирович

28.06.2018 г.